

ТИЩЕНКО ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ

Доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Института философии РАН

E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

УДК 101.3

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПРОЕКТОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Идея конструирования человека лежит в сердцевине новоевропейского гуманистического проекта. Анализируется экзистенциальный смысл идеи конструирования человека. Фрагмент произведения Дж. Пико делла Мирандолы рассматривается как пророчество, высказывающее судьбу новоевропейской эпохи (по М. Хайдеггеру). В этом пророчестве можно выделить несколько аспектов: брошенность человека в мир без своего места, формы и предназначения, право и требование определить и место, и форму, и смысл существования по своему разумению. Рассматриваются исторически особые опыты разрешения основополагающей загадки – что значит быть человеком от Декарта до современных трансгуманистических проектов самоизобретения человека. Определяется смысл эпохи Нового времени через предложенную Дж. Пико экзистенциальную задачу. Подчёркивается, что на каждом исторически особом этапе покорения природы человека мечта о всемогуществе конденсировалась в странном топосе вот-вот-бытия. Столкнувшись с невозможностью победить смерть, но не отказываясь от новых проектов её покорения, современная эпоха порождает экзистенциальную подмену. На место смерти как основного репрезентанта зла ставится страдание. В результате возникают технологии эвтаназии, рассматривающие смерть не просто как меньшее зло в сравнении со страданием (болью), а как средство достижения новой цели – радикального обезболивания. Проводится мысленный эксперимент, демонстрирующий возможность самоуничтожения человечества, мотивированного желанием решить тягостные проблемы человечества на путях его эвтаназии.

Ключевые слова: конструирование человека, гуманизм, смысл, экзистенция, смерть, бессмертие, вот-вот-бытие, обезболивание, эвтаназия, боль, самоуничтожение человечества.

Pavel D. Tishchenko

Institute of Philosophy of RAS
E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

EXISTENTIAL MEANING OF HUMAN DESIGN PROJECTS

Abstract. The idea of human design rests in the heart of European humanist project. The existential meaning of the idea of human design is analyzed. A piece of the work by J. Pico della Mirandola is interpreted as a prophecy expressing the fate of the New European era (by M. Heidegger). Several aspects could be distinguished in this prophecy: the throwing of man into the world without his place, form and purpose, the right and demand to define both place and form and *raison d'être* by reason. Historically, special experiments of solving the fundamental mystery are considered - what it means to be human from Descartes to modern transhumanistic projects of human self-construction? The meaning of the New Time era is defined through J. Pico's proposed existential task. It is emphasized that at every historically special stage of subjugation of the nature of man, the dream of almighty condensed in the strange topos of about-being. Faced with the impossibility of defeating death, and without abandoning new projects of its subjugation, the modern era generates existential substitution. Suffering is put on the scene of death as the main representative of evil. The result is euthanasia technologies that view death not just as a lesser evil compared to suffering (pain), but as the most radical mean of achieving the new goal - radical pain relief. A thought experiment is being conducted to demonstrate the possibility of self-destruction of mankind motivated by the desire to solve the difficult problems of mankind in the way of its euthanasia.

Keywords: human design, humanism, existence, meaning, death, immortality, about-being, pain relief, euthanasia, pain, self-destruction of humanity.

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-229-243

*Нам в бытии отказано. Всегда
И всюду путники, в любом краю,
Все формы наполняя, как вода,
Мы путь нащупываем к бытию ...*
Г. Гессе
(пер. С. С. Аверинцева)

У человека было ядро, но и оно поплыло...
Б. Г. Юдин

Введение

Проблема биотехнологического конструирования человека и связанная с ней проблема биотехнологического улучшения человека стали последними исследовательскими проектами в творческой жизни одного из основоположников отечественной биоэтики – Бориса Григорьевича Юдина (1945 – 2017). В период с 2006 г. по 2017 г. к реализации этих проектов он смог привлечь большую группу российских и зарубежных философов и учёных различных специальностей. В проведённых под его руководством научных конференциях, школах и различного рода изданиях участвовали представители Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Вильнюса, Волгограда, Казани, Курска, Лондона, Минска, Новосибирска, Нью Йорка, Риги, Самары, Саратова, Томска, Хьюстона

и ряда других научных центров. Историю этого интереснейшего проекта ещё предстоит написать.

В предлагаемой вниманию читателя статье ставится задача философского истолкования *одного из возможных* экзистенциальных смыслов проблемы конструирования человека, как обобщение авторского опыта работы в команде Б. Г. Юдина. С моей точки зрения, биотехнологические проекты выражают наиболее существенные современные аспекты проблемы конструктивистского видения человека, высказывая, одновременно, наиболее сокровенные замыслы новоевропейской эпохи.

Пророчество Дж. Пико делла Мирандола

В небольшом произведении «Речь о достоинстве человека» итальянского мыслителя Дж. Пико, которое есть все основания назвать *пророческим*, высказана, как полагаю, судьба новоевропейской эпохи. «Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь» [Пико 1962: 506].

В каком смысле речь идёт о пророчестве? Я называю текст Пико *пророчеством*, понимая под этим термином особого рода развёрнутый перформативный речевой акт (в смысле Дж. Остина), который, являясь своеобразным поступком, не даёт описания некоторого обстоятельства дел в различии истинного и ложного, а свидетельствует – *так нечто есть!*, которое *синергично отзывается – да будет так!* О чём он свидетельствует? Пророческое свидетельство свидетельствует *двуосмысленно*. Во-первых, Пико, как *автор*, вкладывает в *текст* свои авторские смыслы, тесно связанные с идеями каббалы, неоплатонизма и алхимии, магическим могуществом человека (мастера). Во-вторых, поскольку в тексте авторский смысл умирает, то *читатели* последующих столетий вычитывают в тексте Пико свои смыслы, контекстуализированные в особенностях своих исторических обстоятельств.

В контексте поставленной темы экзистенциального смысла проектов конструирования человека, в этом небольшом фрагменте несложно различить установление некоторого изначального отношения человека к *себе* и *всему иному*. Назвав человека *мастером*, а не крестьянином, Дж. Пико выразил *предопределение*, предназначение и судьбу зарождающейся новоевропейской эпохи. Для крестьянина природа и внешняя, и его собственная дана как живая стихия, саму себя формирующая. Смысл его действия – лишь *забота* о плодородии, возделывание почвы, удобрение, полив, сбережение от сорняков и вредителей. Плод, который он собирает, к примеру, с яблони, уже содержит в себе начало (форму) иных яблонь и плодов.

Иное дело мастер. Для мастера весь мир мастерская, а любой предмет действия лишь материал. Форма не дана как самовоспроизводящееся начало, о рождении которой необходимо *позаботиться*. Этой формы нет. Зброшенность в мир, в котором себя (форму себя) надо произвести заново, создать «из ничего» как раз и определяет человеческое *предназначение* и набрасыва-

ет *экзистенциальный смысл* практик конструирования. Чтобы быть, человек вынужден пытаться изобрести себя. Этот смысл с течением лет постоянно воспроизводится как в усилиях философов, из века в век пытающихся решить проблему самообоснования науки или морали, так и в усилиях учёных, тщетно пытающихся заново сконструировать себя в некоторой более совершенной, чем природная форма. *Постоянный повтор* усилия обрести себя, создать форму по своему усмотрению и его (усилия) неудача как раз и понимается мной в качестве *судьбы* человека эпохи Нового времени.

В этом контексте под словом *эпоха* понимается не некоторый период истории, а особый тип загадочности, энигматичности *бытия* человека. Загадочности бытия не в смысле загадок окружающего природного или социального мира, а в смысле проблематичности самого человеческого *есть*, его *возможности быть*. Следуя М. Хайдеггеру, необходимо услышать в слове *эпоха* смысл феноменологического термина *эпохэ*: «Удержание себя по-гречески значит эпохе. Отсюда речь об эпохах истории бытия» [Хайдеггер 1993а: 396]. Особенность эпохи, по Хайдеггеру, в том, каким образом бытие «удерживает» (совершает эпохэ) «себя» от предъявления, т. е. прячет и, соответственно, этому типу удержания – каким образом задаёт направление (путь, подход) к себе. В отличие от детских пряталок, в этом «прячется» читается смысл не только первоначальной спрятанности, но и постоянного ускользания от всех попыток радостно прокричать – нашёл!

Первая и главная особенность новоевропейской спрятанности бытия и пути подхода к нему в сравнении с предшествующей христианской эпохой выражает тезис о смерти Бога. Хотя он ещё не звучит явно в пророчестве Мирандолы, но его смысловая предпосылка сформулирована вполне отчётливо. Как справедливо отмечает М. Хайдеггер: «“Бог умер”. Это значит – “христианский Бог” утратил свою власть над сущим и над предназначением человека» [Хайдеггер 1993б: 64]. Над сущим правят законы природы, а решить загадку своего предназначения человек должен сам, по своему усмотрению. Создатель как бы самоустраняется, поставив человека в «центр мира» и «отдав его во власть» «своего решения». При этом и «центр мира» не вполне центр, и относительно «своего решения» человек всю последующую историю параноидально будет подозревать, что оно не вполне «своё», бороться за *автономию*, разоблачая источники гетерономии (детерминаций извне) в традициях, социальных и производственных отношениях, лени и нежелании руководствоваться собственным умом, бессознательном, генетике, языке, машине мозга и т. д., и т. п. Оно (своё) таковым было лишь в присутствии Творца.

Как только место Творца заняло «человечество в моём лице» или даже «общество» (социальность), то центр распался, распылившись в мириадах случайных индивидов и обретя тем самым положение *езде и нигде*. Человек осознаёт себя брошенным в мир, без определённого места, смысла и формы, будучи вынужденным каждый исторический *раз* заново преодолевать свою «нестеснённость», как своеобразную экзистенциальную рану, новым и новым изобретаемым заново содержанием, открывая законы неба или устанавливая законы морали... и неизбежно в глазах потомков обнаруживая их несостоятельность. В философских проектах, длительное время претендовавших на постижение *собственно человеческого* в человеке, основная экзистенциаль-

ная задача формулировалась (особенно в рационалистической традиции) как задача самообоснования познающего и волящего разума.

Биотехнологические проекты конструирования человека различно в разные эпохи так же пытались дать окончательное решение этой проблемы – так же всякий раз заново и с неизбежностью, но безуспешно. Прежде, чем конкретизировать это заявление, важно отметить те аспекты пророчества Дж. Пико, которые определяют культурный контекст конструктивистских проектов. На протяжении прошедших столетий брошенный в постоянно меняющуюся историческую ситуацию ничем не стеснённый новоевропейский человек, с неизбежностью обнаруживает перед собой каждый раз заново *мир впервые*. Поскольку, именно ему как свободному и славному мастеру завещано определить истинную форму и этому миру, и своему месту в нём, то его *взгляд имманентно революционен*. Строчка из «Интернационала» ясно выражает этого рода мироощущение: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем – мы наш, мы новый мир построим...». Причём речь идёт не только о политических революциях. Аналогичное настроение правит в идеях научно-технических и научно-технологических революций, шумом которых переполнен включающий нас мир. В технократических фантазиях современного трансгуманизма политическое преобразование мира неразрывно связано с проектами конструирования нового человека.

Макрополитическое революционное преобразование человека сопряжено с проектами микросоциальной трансформации, с идеологией *прав человека*. Если свободный и славный мастер не просто может, но и *вынужден* за счёт своей неуместности, бесформенности и бессмысленности каждый раз заново пытаться определить себя, вправить в определения исторически особой формы, то это им обрётённое экзистенциальное *пред-*определение политически формулируется как его *право* в системе ширящихся прав человека. Его право быть самим собой и добиваться признания от других – не важно, каким именно *собой* он хочет быть. На примере развития репродуктивных технологий мной ранее было показано, как альянс технологического прогресса и идеологии прав человека проводит тотальную деконструкцию сексуальности человека, стирая принятые ранее различия и, вместе с тем, ставя перед человеком новую, более сложную проблему обретения себя [Тищенко 2009].

Следует, правда, отметить, что и сознание, ищущее точек опоры в традиционных ценностях, постоянно вынуждено себя изобретать заново, подвергая доставшиеся от предков ценности радикальной переоценке. Традиции существовали и правили тогда, когда никто их не замечал, когда их постоянно происходящие изменения не попадали в поле внимания человека. На раннехристианских западных иконах нередко события Святой истории разворачиваются на фоне европейских архитектурных сооружений, солдаты одеты в средневековые доспехи, а окружающий народ в характерную европейскую одежду. Осознание историчности, потока изменчивости внутри себя возникает одновременно с открытием физической реальности. Ньютон, к примеру, не только сформулировал известные законы, но и активно участвовал в обсуждении исторической хронологии. Возрождение не только открыло античность, но и инсталлировало дух перманентного *возрождения подлинного прошлого*, получившего имя традиции. Но как только традиции стали предметом борьбы и осмысления для одних и защиты для других – всё ядро человеческого

в человеке поплыло, оказавшись в заложниках у свободного и славного мастера, мысленно реконструирующего модели золотого века, или конструирующего модели светлого будущего. Лишь мудрость Экклезиаста возвращает человека к себе из бесконечных повторов самообольщения...

В пророческом заявлении Дж. Пико просто и изящно выражена форма человеческого самопонимания, в которой *быть собой* для человека означает занять место Бога и изобрести себя заново, как бы с нуля – из ничего. Причём изобрести и физически, и метафизически. Как физические, в широком смысле, проекты самоизобретения человека, к которым отношу прежде всего биотехнологические, так и метафизические (философские), предполагающие различные интерпретации само-обоснования разума, заданы, будто своеобразной координатной сеткой, антитезами смерти и бессмертия, земного и небесного. Безусловно, что на язык биотехнологий, как и светской философии, эти религиозные понятия переводятся с серьёзным переформатированием смысла. Но определённая интенция вопрошания сохраняется в многообразии культурных особенностей.

И главное, вернусь к началу обсуждения, приведённый фрагмент Пико неслучайно назван пророчеством, причём возможно – пророчеством не менее ужасающим, чем пророчество Кассандры... Попробую дать в этой статье его толкование, для начала обратив внимание на то, что текст загадывает *загадку*, которую второпях не замечаешь, будучи обольщённым характеристикой *свободы* и *славности мастера*. Но эта свобода негативная, пустая – не ограниченность естественным местом и *предопределениями*, не определённость его *бытия*, его *есть*. Она (свобода и идентичность) человека *есть* лишь в качестве основополагающей, постоянно переосмысляемой *загадочности*, инсталлированной в *существо* существующего смертного человека, вынужденного самому принимать *решение* относительно своей *сущности*. Небытие склоняется с вопросом о своём смысле к самому себе, но в конатусе – *порыве-усилии к бытию* (т. е. из онтологической не-у-местности становления) человек, схваченный *заботой* разгадать инсталлированную в себе исторической судьбой загадку, вносит в своё уникальное частное существо каждый исторический *раз* разное различие на бытие и небытие, свободу и необходимость, земное и небесное, смертное и бессмертное, истинное и ложное, благое и злое...

Негативность начала как предпосылка усилий-порывов изобрести себя заново в проектах физического и метафизического конструирования, действующая вкуче с опытом постоянных неудач этих проектов, работает как своеобразная феноменологическая редукция, заключая всё позитивное содержание человека, которое он пытается сам изобрести, в скобки, оставляя в его руках как сущность – само *ничто*. Забегая вперёд, отмечу, что последовательные экзистенциальные следствия из этого открытия делают сторонники эвтаназии.

Горизонты биотехнологического самоизобретения и вот-вот бытие

Схваченный ужасом перед лицом смерти, новоевропейский человек искренне полагает, что покорение природы, с которой он связывает свою смертность, даст ему возможность стать практически бессмертным не в смысле бессмертия, обретаемого через спасение души, а в смысле бесконечно долгого оттягивания конца жизни. Жить, пока не надоест. Прогресс медицины и био-

логии на протяжении веков внушал и продолжает внушать надежды на «победу» над смертью... Каждое новое открытие и изобретение свободного и славного мастера ввергает его в восторженное состояние – *вот-вот* он решит свои главные экзистенциальные проблемы. Он *славен* в своём мире как настоящий мастер, равен себе (самоидентичен), переживает в своих начинаниях восторг самоисполнения. Одни поколения восторженных «мастеров» сменяются другими. Радикально изменяются научные знания и технологии, но инвариантным остаётся восторг бытия в *вот-вот*, или – *вот-вот бытия*.

От алхимических фантазий эпохи Возрождения до современных трансгуманистических проектов конструирования человека типа проекта Россия-2045 [Россия 2045], охватывающий свободных и славных мастеров, восторг основывается на опрометчивой переоценке «могу» (могущества), обеспечиваемого существующим в конкретный исторический момент уровнем научных знаний и технических умений. Каждая последующая историческая эпоха развития науки с иронией и снисхождением разоблачает самомнение и наивность предшествующей, незаметно для себя погружаясь в свой исторически особый восторг *вот-вот бытия*.

Декарт, досконально, для своего времени, познав машину живого тела, посещая скотобойни и проводя эксперименты на кроликах по изучению циркуляции крови в большом и малом круге кровообращения, полагал, что станет первым, кто уйдёт из жизни не тогда, когда прикажет природа, а когда он сам свободно решит. Естественно, он негативно относился к мифологическим конструкциям и магическим практикам алхимиков, которые вызывали восторг и чувство могущества у Дж. Пико. Однако, он умер, как и все ... Выжило лишь *вот-вот бытие*, получив новое воплощение в восторге могущества учёных и философов второй половины XVIII – начале XIX века, вдохновлённых открытиями в химии, микроскопии и анатомии. Особо резонансным стало открытие «живого электричества» А. Гальвани, физические механизмы которого были исследованы А. Вольта [Гальвани, Вольта 1937]. Оба учёных демонстрировали публике оживляющее действие электрического тока на отрезанные конечности животных, создавая иллюзию – *вот-вот* смерть будет побеждена. Восхищенный Наполеон наградил А. Вольта орденом и денежной премией. Племянник А. Гальвани, Дж. Альдини, гастролировал по Европе, демонстрируя опыты с «оживлением» трупов с помощью электрических разрядов [Альдини 1921]. Эразм Дарвин, дядя Чарльза Дарвина, в своём салоне демонстрировал опыты с «оживлением» макаронины (под действием электричества она начинала извиваться), о чём вспоминала в предисловии ко второму изданию своей бессмертной книги «Франкенштейн или современный Прометей» М. Шелли, часто посещавшая этот салон. Её герой, Виктор Франкенштейн, оживляет созданное им из органов человека и животных (часть органов он получил на скотобойне, а часть в анатомичках) чудовище разрядом электрического тока, так же, как и через пару столетий сконструированную из частей двух или нескольких клеток, искусственную клетку в технологиях клонирования «оживляют» (провоцируют процесс деления) электрической стимуляцией.

Эксперименты с «оживлением трупов» и «обучению» их трудовым движениям (забиванию гвоздей, переносу тяжести) проводились в 20-е годы XX века в Центральном институте труда тогда ещё молодым нейрофизиологом Н. А. Бернштейном, на чьи успешные опыты ссылается А. А. Богданов в предис-

ловии к изданному в то время в СССР переводу книги Дж. Альдини. Собственно говоря, и реанимируют сегодня людей, у которых остановилось сердце, также с помощью разряда тока. В этой перспективе становится понятным подзаголовок книги М. Шелли. Электрический разряд и есть тот «огонь», который принёс с собой «современный Прометей», наделив людей невиданным могуществом. Герой романа Шелли, профессор Вальдман, ставший учителем Виктора Франкенштейна, так выражает восторг науки конца XVIII начала XIX в.: «Прежние преподаватели этой науки (алхимики – П.Т.) обещали невозможное, но не свершили ничего. Нынешние обещают очень мало; они знают, что превращение металлов немыслимо, а эликсир жизни – несбыточная мечта. Но именно эти ученые, которые, казалось бы, возьмется в грязи и корпят над микроскопом и тиглем, именно они и совершили истинные чудеса. Они прослеживают природу в ее сокровенных тайниках. Они поднимаются в небеса; они узнали, как обращается в нашем теле кровь и из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они приобрели новую и почти безграничную власть (курсив мой – П.Т.); они повелевают небесным громом, могут воспроизвести землетрясение и даже бросают вызов невидимому миру» [Шелли 2010].

Эпоха начала XX века принесла новые основания для воодушевления и переживания *вот-вот бытия* на грани всемогущества. Евгеника, физиология, хирургия, микробиология, микроскопия и другие научные технологии спровоцировали мощный импульс восторга, основанного на чувстве всемогущества, технологического энтузиазма, который художественно воплотили и сохранили для потомков произведения А. Богданова, М. Булгакова, А. Белаява, Г. Уэллса, Дж. Оруэлл, О. Хаксли и других писателей того времени. Русский авангард был художественным обеспечением большевистской революции, пытавшейся системно реализовать пророчество Дж. Пико. Вот и сегодня воодушевляющие достижения НБИКС-технологий наполняют восторгом *вот-вот бытия* международное сообщество трансгуманистов, установивших рубеж «2045» для сингулярного преобразования человека...

Конечно, с современной точки зрения, упования учёных начала XX века кажутся наивными, научно необоснованными. Ну, как мог, к примеру, великий отечественный биолог Н. К. Кольцов считать, что «марсиане» (воображаемые существа, обладающие сверхразумом) станут улучшать человека методами селекции [Кольцов 1923], когда (уж мы-то точно знаем!), значительно эффективней это сделать с помощью технологий редактирования генома.

Однако, в начале XX века у биологов и политиков от успехов методов селекции захватывало дух. Охваченный революционным научным и политическим энтузиазмом будущий лауреат Нобелевской премии Г. Мёллер на полном серьёзе обещал Сталину революционным методом селекции вывести породу человека-большевика. Так же, как и профессор Вальдман, он уповаet на безграничные возможности научного прогресса: «В качестве учёного, убеждённого в окончательной победе большевизма во всех отраслях человеческой деятельности, я обращаюсь к Вам с вопросом исключительной важности, возникающим в области науки, которой я занимаюсь, – биологии, в частности, генетики. Вопрос несомненно таков, что он должен быть изложен в первую очередь именно Вам. С одной стороны, потому, что он заключает в себе *безграничные возможности прогресса* (курсив мой – П.Т.). А с другой стороны, для суж-

дения о нём необходима Ваша дальновидность и Ваше умение реалистически применять диалектическую мысль» [Мёллер 2008: 679].

Сегодня эти идеи выглядят крайне наивными. Но ведь резонно предположить, что и с точки зрения учёных и биотехнологов середины XXI века сегодняшние трансгуманистические проекты конструирования бессмертного человека покажутся столь же наивными, а мечты – не более обоснованными, чем мечты их предшественников... Однако, невыносимый ужас перед лицом смерти с неизбежностью принудит и это поколение естествоиспытателей и покорителей природы к бегству в своё, нам сегодня неизвестное, спасительное *вот-вот бытие*...

Небольшой экскурс в историю реализаций пророчества Мирандолы, узревшего в качестве доминирующей установки новоевропейского самосознания требование – человек *сам себя должен сделать бессмертным*, продемонстрировал, что реальность проектов конструирования смещена из *есть в вот-вот есть*, т. е. в иллюзорное пространство душевного опьянения (полноты самоидентичности), над которым каждое следующее поколение учёных и биоинжентеров будет иронично посмеиваться из чувства своего столь же исторически фальсифицируемого всемогущества.

Здесь важно учесть, что *вот-вот бытие* – это не будущее. Это то, что уже в настоящем. Осталось *вот-вот* что-то уже начатое доделать. Различие между *вот-вот бытием* и будущим можно пояснить метафорой бегущего осла. Будущее в виде кормушки с овощами его ждёт там далеко, на ферме хозяина. Его *вот-вот бытие* – морковка, подвешенная на ветке перед его мордой ... Он наивно полагает – сделаю ещё один шаг, и она окажется в моей пасти. Делает, но она почему-то оказывается вновь в одном шаге ...

Своё *вот-вот-небытие*

В свете воодушевляющего *вот-вот-бытия* неминуемая смерть, которая со всех сторон окружает как людей обычных, так и мечтателей трансгуманистов, ускользает в своеобразный сумрак, который я назову *вот-вот-небытием*. В этом сумраке она трудно различима, страшна, но не так ужасна. Философы, да и вообще более или менее образованные люди, как считалочку, нередко повторяют мудрость Эпикура – пока мы живы, смерти для нас нет, когда умрём – её тем более для нас не будет...

До середины 70-х годов XX века ужас перед лицом смерти оставлял саму смерть в статусе естественного стихийного факта, борьба с которым входила во внутренний импульс идеологии научного покорения природы, но сама она существовала как некая естественная данность. На языке Дж. Пико можно было бы сказать, что человек, как и прочие живые существа, рождается смертным, что эта «смертность» определяет его естественное положение в мире и не является его (человека) проектом самоизобретения – телосом собственного дела *свободного и славного мастера*, как это имеет место в случае проектов биотехнологического бессмертия.

Два открытия, одно научное, а другое экзистенциальное изменили ситуацию, вернув её в рамки проекта Пико. Во-первых, возникновение реанимационных технологий и формирование концепции смерти как смерти мозга превратили смерть из естественного состояния в научно обоснованную социальную конструкцию, которая получает окончательную форму в конкретном

законодательстве, существенно отличающимся в различных странах. Смерть из статуса естественного состояния (некоторого объективного и независимого от человека «есть») переместилась в конструируемый статус – «может быть» или «будем считать, что есть». В нашей стране это оформление произошло в законе РФ 1992г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Смерть из того, что *есть*, которое врач регистрирует как факт, было сдвинуто в странную социо-био-технологическую реальность. Социальную – постольку, поскольку группа профанов (народных избранников) решает голосованием – что *на самом деле* она *есть*, выбирая из нескольких проектов определения смерти, отстаиваемых разными экспертами. Социально установленное определение *есть* для смерти становится в каждом врачебном свидетельстве о ней суждением онтологическим – вот она уже есть для этого индивида. Свершилась. Технологическую – поскольку согласованное действие социальных и биологических технологий оказывается силой, *основополагающей* фундаментальное экзистенциальное различие между жизнью и смертью...

Одновременно, смерть в результате прогресса биомедицинских технологий расслоилась на разные варианты, обнаружив на пороге смерти человека *технологически контролируемые* промежуточные состояния (кома, вегетативное состояние, состояние минимального сознания), став в каждом конкретном случае технологической конструкцией человека. Этим состояний нет вне технологий контроля жизни на пороге (в вот-вот-небытии) смерти...

Центральная идея – смерть как смерть мозга – это тоже технологически сконструированное промежуточное состояние между жизнью и биологической смертью, в которой происходит необратимый распад всех жизненных функций. *Вот-вот* наступит биологическая смерть, но пока она не наступила, пока врачи задерживают её наступление агрессивными терапевтическими интервенциями в *вот-вот-небытии*, человек, оказавшийся в этом пограничном состоянии, превращается в *набор жизнеспособных запчастей (органов)*, изъять которые можно помочь нескольким страдающим людям. Овладение этим *вот-вот-небытием*, создаёт основание на данный момент самой эффективной конструктивистской программы – программы трансплантации органов, причём не только «тела» (почки, печень, сердце, матка, мужские половые органы и т. д.), но и головы [Попова, Тищенко, Шевченко 2017]. В глобальной программе трансгуманизма трансплантологические технологии рассматриваются как реальный плацдарм будущих «прорывных» конструктивистских инноваций. И здесь важно различать особенности *вот-вот-небытия*. То, что мы все умрём – это ясное будущее. Но если мы замрём как ослы перед висящей на ветке морковкой, то мы особым образом погрузимся в мистирию промежуточного состояния *вот-вот*.

Второе открытие, которое я называю экзистенциальным, произошло практически в то же время, что и открытие смерти как смерти мозга. Точнее, это было переоткрытие. В конце XIX века самоубийство из морального преступления (свободного, но морально порицаемого поступка) *исторически вдруг* превратилось в медицинскую патологию. Научные аргументы, предлагавшиеся врачами того времени для обоснования этого переосмысления, сегодня серьёзно не воспринимаются. Выдвигавшиеся ими причинные объяснения и проекты лечения выглядят крайне наивными. Определяя самоубийство в качестве психического расстройства и изымая его из пространства мораль-

ного и правового осуждения, врачи не знали (с современной точки зрения), что творили. Сто лет последовавших за этим интенсивных научных исследований смогли доказать в качестве непреложного факта, что имеющиеся научные объяснения недостаточны и неубедительны. Дотошное научное самоиспытание привело к резонному выводу о возможности *рационального самоубийства*. Я называю это экзистенциальным переоткрытием постольку, поскольку человек стал узнавать себя в качестве свободного (не больного, зависимого от патологии – гетерономных воздействий), тогда, когда он принимает рациональное (автономное) решение о самоубийстве. На этом основании, а точнее, на основании отсутствия научных оснований, он и получает свободу воли. Как свободный и славный мастер может собственную смертность превратить в предмет собственного мастерства? Как сделать себя смертным по своему усмотрению? *В качестве подобного рода мастерства выступили технологии эвтаназии.*

Но если технологии, сдвигающие в вот-вот бытие и обещающие бессмертие, понятны по своему устремлению, то в чём привлекательность такого странного решения человеческих проблем как эвтаназия? И здесь вновь вдуваемся в слова Дж. Пико: «Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю». Не стеснённый пределами, свободный и славный мастер, пророчески отдан во *власть «своего решения»*. Вдуваемся в эту парадоксальную формулировку. Как можно быть свободным, будучи отданным в чью-то власть? Мне возразят, что это власть не чужого, а «своего» *решения*. Человек не может быть свободен, не властвуя над собой как живым эмпирическим индивидом. Не считать же капризного ребёнка, не способного властвовать над собой, более свободным, чем был господин И. Кант, по появлению которого на прогулке можно было сверять часы...

Проблема здесь в том, что *своё* – не всегда *собственное*. Не важно, решил ли ты, что максима «не лги!» – *своя*, используя мысленный эксперимент категорического императива, или патерналистски согласился, вняв увещаниям родителей или учителей, но если отдашь себя во власть этого «своего решения» и выдашь разбойнику (убийце) друга (как в известном мысленном эксперименте предлагал тот же И. Кант), то нравственный мир рухнет, будучи заменён моральной машинерией исполняющих свой долг людей-шестерёнок – не важно, в концлагере, казарме или больнице. Даже если, как И. Кант, человек программу для себя как шестерёнки написал сам и проверил её на всеобщность, применив к ней требования категорического императива... Он так и останется аморальной шестерёнкой, готовой обменять первородство уникального решения и самостоятельного поступка на чечевичную похлёбку всеобщего закона...

В машинерии современной социальности таким *несобственным своим* выступает идеал *автономной личности*, опосредующий отношения с другими людьми правилом *информированного согласия*. Причём это опосредование симметричное. Оно связывает и человека с другими, и других с этим человеком. Человек, переживающий «непереносимое страдание» (ещё одно из условий эвтаназии), *отдаёт себя во власть своего решения* – просить врача прервать его жизнь. Узнаётся это решение как его *своё* другими (консилиумом врачей) как его свободное волеизъявление тогда и только тогда, когда он про-

ходит тест на предоставление добровольного информированного согласия... *Славный и свободный мастер*, приняв автономию как имманентное определение своего решения, отдаёт себя в его власть (точнее, во власть врача) на пороге смерти, там, где её ещё нет, хотя и вот-вот будет...

Основной парадокс эвтаназии прост – как можно считать информированное согласие в условиях непереносимого страдания автономным? Представьте себя в пыточной камере на Лубянке в 1937 году ... Вас только что отмолодили так, что живого места не осталось, угрожают тоже сделать с Вашей семьёй ... и Вы абсолютно «добровольно» даёте согласие в том, что Вы китайский, японский, американский и т. д. шпион. Простите, но если у Вас ломаются кости, если Вы воете от боли, то насколько Вы можете считать *своим* автономным решением просьбу, адресованную врачу, прервать жизнь? Или она абсолютно гетерономна – вызвана болью? В чём же реальная выгода? ... Смерть всё равно неизбежно наступает.

Во-первых, также, как и в технологиях, расслаивающих смерть и превращающих живое тело в биологический конструктор, на пороге смерти – *в промежутке* между ещё нет и всё равно будет происходит *конструирование автономного субъекта* эвтаназии. Он не только в качестве бессмертного, но и в качестве смертного становится собственной конструкцией – как и пророчествовал Дж. Пико. И в таком виде он *заботится о себе* перед лицом неизбежной смерти ... Или как обычно озабочиваются, думая не собственно о себе, а о себе так, как этого себя *узнают* в тебе другие ... Человек спасает себя в последнем усилии могу... *В реализации права по своему усмотрению* распорядиться своей жизнью... Трудно сказать – что реально переживает человек в момент ухода из жизни в эвтаназическом кабинете, насколько в тот момент ему облегчает ужас *стремительно близящегося небытия* осознание реализованности *права умереть* в результате целенаправленного медицинского действия...

Дело, однако, в том, что информируемое согласие даёт не умирающий в предсмертном миге, а пока ещё живой человек – за конкретный срок обсуждения и принятия решения. Для него смерти, в полном соответствии с Эпикуром, пока ещё нет. Его ситуация расщеплена в двух планах, чётко обозначенных Л. Н. Толстым в повести «Смерть Ивана Ильича». Страшащееся существо «Вани» не может понять и принять свою смертность, хотя и полностью согласно с тем, что «Кай» – человек, и как человек он смертен. Дело в том, что приближающийся смертный миг не дан, а представлен в воображении как возможный. В этом представлении «Ваня» думает о себе как *герое* будущего события, т. е. как о «Кае». Иными словами, соглашающийся на эвтаназию человек, находясь в экзистенциальной ситуации «Вани», принимает решение за себя как «Кая», автономного субъекта, подтверждая его (субъекта) решение процедурой дачи информированного согласия... Насколько реально облегчает предсмертный миг эта подмена «я» (Ваня) на «он» (Кай) – никто не знает... Однако, ясно иное – *все* общественные дискуссии в пользу эвтаназии и принимаемые парламентами решения принимают это решение за «Кая», его наделяют правом уйти из жизни, не обременяя себя (пока ещё живущих «Вань») своими неприличными воплями... «Всё под контролем».

Здесь важен и другой момент, в котором умирающий и окружающие его люди переживают определённое «могущество» и, следовательно, возможность оказания и получения помощи. Это оказывается возможным за счёт эк-

зистенциальной подмены, с которой связана особого рода власть медицины. Как точно формулирует М. Фуко: «Медицина предлагает новому человеку настойчивый и утешительный лик конечности; в ней смерть подтверждается, но, в тоже самое время, предотвращается; если она без конца объявляет человеку предел, заключённый в нем самом, то она говорит и о том техническом мире, что является вооружённой позитивной защитой и заполненной формой его конечности» [Фуко 1998: 295.]. Медицина между смертью и человеком ставит ширму страдания, предъясвляет это страдание, и прежде всего – *боль*, как основного врага. В результате этой подмены, происходящей в сознании современного человека, возникает парадоксальная возможность *превратить смерть в средство* окончательной победы над болью. Неслучайно, практически во всех философских и общественных дебатах спор между противниками и сторонниками эвтаназии ведётся о возможности или невозможности фармакологического контроля боли. Взгляд диспутантов отведён от ужаса смерти, которая сведена к чему-то подручно известному как надёжное средство.

Поменяв главного врага, человек вновь может пережить *свою свободу и славу победы* над ним ...

Эпилог

В набирающем мощь движении за *право* человека на эвтаназию постепенно осваивается предпосылка будущего радикального разрешения проблем, встающих перед человечеством. Инсталлируется простая мысль: *небытие* = смерть (сухой остаток многочисленных попыток определить смысл, форму человека) может быть лучше бытия. Большая часть сторонников эвтаназии – атеисты или агностики. Ни в какой загробный мир они не верят. Им смерть ничего не сулит, или сулит лишь *ничто*. Ничто кроме небытия, которое в ситуации радикального экзистенциального выбора, перевешивает ценность *бытия как страдания*. Сулит демонстрацию своего могущества – прекращения боли.

Представим ситуацию: либо в результате природного катаклизма (извержение супер-вулкана, столкновение Земли с крупным метеоритом и т. д.), либо в результате так или иначе спровоцированной ядерной войны, но жизнь станет нестерпимо трудна... Что делать? Конечно же – группа людей, собравшихся принимать решение вокруг ядерных «кнопок», отнесётся к «человечеству» как к психиатрическому больному и примет за него решение – смерть лучше страдания! И страдания больше не будет, и мечущийся дух успокоится над безбрежной гладью слепого и немного бытия....

И этот эксперимент Бога создать свободного alter ego придётся признать неудачным ...

Библиография

- Альдини 1921 – Альдини Д. Исследования по биомеханике трупов. Предисловие А. А. Богданова, Петроград, 1921.
- Гальвани, Вольты 1937 – Гальвани А., Вольты А. Избранные работы о животном электричестве. ОГИЗ Биомедгиз. Москва – Ленинград, 1937.
- Кольцов 1923 – Кольцов Н. К. Улучшение человеческой природы. Петроград, 1923 [Электронный ресурс]. URL: <http://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html> (дата обращения 01.12.2016).

- Пико 1962 – Пико Дж. *дела Мирандола*. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-ти томах. Т. 1. Москва: Искусство, 1962.
- Мёллер 2008 – *Письмо Г. Мёллера* И. В. Сталину // Бабков В. Заря генетики человека. Москва: Прогресс-Традиция. 2008. С. 679.
- Попова, Тищенко, Шевченко 2017 – *Попова О. В., Тищенко П. Д., Шевченко С. Ю.* Этические проблемы экспериментальной хирургии: казус проекта «пересадки головы» // Журнал экспериментальной и клинической хирургии им. академика Б. В. Петровского. № 3. 2017. С. 81–89.
- Россия 2045 – Россия 2045. Стратегическое общественное движение. [Электронный ресурс]. URL: <http://2045.ru> (дата обращения 21.01.2020).
- Тищенко 2009 – *Тищенко П. Д.* Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. 2009. № 6. С. 21–30.
- Фуко 1998 – *Фуко М.* Рождение клиники. Москва: Смысл, 1998.
- Хайдеггер 1993а – *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Москва: Республика, 1993.
- Хайдеггер 1993б – *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. В. В. Бибихина. Москва: Республика, 1993.
- Шелли 2010 – *Шелли М.* Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек [Электронный ресурс] URL: <http://samilib.siwatcher.ru/m/merris/frankenshteinilisowremennuyjprometejposlednijchelovek.shtml> (дата обращения 1.12.2018).

References

- Aldini 1921 – Aldini D. Research on biomechanics of corpses. Preface by A. A. Bogdanov. Petrograd, 1921. In Russian.
- Galvani, Volta 1937 - Galvani A., Volta A. Selected works on animal electricity. OGIZ Biomedgiz Publ., Moscow-Leningrad, 1937. . In Russian.
- Koltsov 1923 – Koltsov N. K. Improvement of human nature. Petrograd, 1923 [Electronic resource]. URL: <http://oleg-devyatkin.livejournal.com/60218.html> (accessed date 01.12.2016). . In Russian.
- Pico 1962 –Pico John. della Mirandola Speech on the dignity of Man // *History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought* in 5 vol., Vol. 1. Moscow: Art Publ., 1962. Transl. into Russian.
- Meller 2008 – Letter of G. Meller to I. V. Stalin // Babkov V. Dawn of human genetics. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2008. P. 679. . In Russian.
- Popova, Tishchenko, Shevchenko 2017 – Popova O. V., Tishchenko P. D., Shevchenko S. Yu. Ethical problems of experimental surgery: the case of the “head transplant” project // *Journal of experimental and clinical surgery named after academician B. V. Petrovsky*. No 3. 2017. P. 81–89. . In Russian.
- Russia 2045 – Russia 2045. Strategic social movement [Electronic resource]. URL: <http://2045.ru> (accessed date 21.01.2020). . In Russian.
- Tishchenko 2009 – Tishchenko P. D. Biotechnological prerequisites for the sexual revolution of the XXI century // *Man*. 2009. No 6. P. 21–30. . In Russian.
- Foucault 1998 – Foucault M. the Birth of the Clinic. Moscow: Sense Publ., 1998. Transl. into Russian.
- Heidegger 1993а – Heidegger M. Time and Being // Heidegger M. Time and Being Moscow: Republic Publ., 1993. Transl. into Russian.

Heidegger 1993b – Heidegger M. European nihilism. Five main headings in Nietzsche's thought // Heidegger M. Time and being: Articles and speeches. Per. Vladimir Bibikhin. Moscow: Republic, 1993. Transl. into Russian.

Shelly 2010 – Shelly M. Frankenstein, or Modern Prometheus. Last person. [Electronic resource] URL: http://samlib.siwatcher.ru/m/merri_s/frankenshtejnilisowremennyjprometejposlednijchelovek.shtml (accessed date 1.12.2018). Transl. into Russian.